

Водитель притормозил у дверей respectable китайского ресторана — излюбленного заведения высшего общества города S.

Двое швейцаров тут же услужливо распахнули дверцы машины с обеих сторон. Бай Яньчэн и Сяо Цзюнь вышли в прохладный вечерний воздух и бок о бок направились к сияющему входу.

Миновав роскошный, залитый мягким светом вестибюль, они в сопровождении официанта поднялись на лифте на шестой этаж и прошли в отдельный VIP-кабинет. Из панорамных окон этого лучшего в заведении зала открывался великолепный вид на ночной город.

Сяо Цзюнь, как и полагалось руководителю его уровня — человеку, во всем чтящему приличия и строгий этикет, — позаботился обо всех деталях заранее. Едва они заняли свои места, как стол уже ломился от изысканных блюд. Разлив напитки, официант бесшумно испарился.

Стоит отдать молодому президенту должное: он проявил исключительную чуткость. Зная, что доктор Бай равнодушен к алкоголю, он распорядился раздобыть «Песчаную землю» — фирменный безалкогольный напиток, который тот пил ежедневно и который продавали лишь в одной-единственной чайной у жилого комплекса Хэньюань.

В свое время Сяо Цзюнь из чистого любопытства отхлебнул глоток этой смеси и тут же скривился: вкус показался ему дичайшим сочетанием технического масла и зубной пасты. Как Яньчэн вообще ухитрился это пить? Обычный человек такое и проглотить бы не смог — удивительно, как эта лавочка до сих пор не прогорела.

Лишь позже выяснилось, что хозяин заведения — старый знакомый Бая, а «Песчаная земля» — эксклюзивный рецепт, созданный специально для него. В меню ее не было, ведь на всем белом свете нашелся лишь один ценитель этого странного вкуса.

Бай Яньчэн взял запотевший стакан с легко узнаваемым логотипом и мягко улыбнулся:

— Спасибо, господин Сяо. Вы очень внимательны.

— Пустяки, доктор Бай, — Сяо Цзюнь приподнял бокал с играющим в свете ламп коллекционным красным вином. Каждое его движение было выверено до миллиметра и могло послужить эталоном светского этикета.

Безупречно красивый, успешный, молодой президент словно сошел с экрана романтической драмы: точеные черты лица, безупречная кожа, выразительный разлет бровей и холодный блеск в глазах, смягченный безукоризненной вежливой улыбкой. Статная фигура в сочетании с завидным происхождением делала его идеальной партией — истинным баловнем судьбы, которому при рождении достались все козыри.

Впрочем, почему «словно»? Он им и был. После того как отпрыски трех могущественных

семейств города — Чжоу, Чу и Шэнь — связали себя узами брака, Сяо Цзюнь официально возглавил список самых завидных холостяков города S.

Бай Яньчэн за пару секунд цепким, скользящим взглядом оценил собеседника и пригубил свой напиток. Он обладал врожденным даром мгновенно считывать людей, подмечая мельчайшие детали так, что никто этого не замечал. Вот и сейчас, едва мазнув взглядом по запонкам на манжетах Сяо Цзюня, доктор Бай безошибочно определил: над выбором сегодняшнего гардероба тот мучительно размышлял не один час.

Это означало лишь одно: он занимал в мыслях молодого президента важное, пусть пока и зыбкое место. Влюбленность Сяо Цзюня была еще поверхностной, готовой растаять при малейшем дуновении ветра, но сам бизнесмен этого пока не осознавал.

Делая очередной глоток, Бай Яньчэн разглядывал узор на стакане, но кожей чувствовал направленный на него взгляд. Он всегда безошибочно улавливал чужое внимание, как бы тщательно его ни пытались скрыть. Так было с Сяо Цзюнем, так было с его новоиспеченным юным сожителем, с суетившимся давеча официантом — да и со многими другими.

Мысленно усмехнувшись, он поставил стакан на стол и, подняв глаза, встретился с прямым, оценивающим и полным неприкрытого вожделения взглядом Сяо Цзюня.

— Вы совсем не изменились, доктор Бай, — Сяо Цзюнь слегка притушил излишне пылкий взор, вернув на лицо привычную светскую маску. — Всё такой же, как при нашей первой встрече пять лет назад.

Бай Яньчэн не жаловался на память — в его сознании тут же отчетливо проступили подробности их знакомства. В ту пору он только-только устроился в научно-исследовательский институт и как раз успешно завершил крупный проект, за который получил престижную премию.

Судьба свела их на встрече выпускников. Сяо Цзюнь тогда еще не возглавлял концерн, а был лишь амбициозным магистрантом, пакующим чемоданы перед отъездом на учебу в Великобританию. Он сам подошел познакомиться, рассыпался в комплиментах и, пользуясь двухлетней разницей в возрасте, панибратски подмигнул:

— Ну ты даешь, младший! Я в твои двадцать один еще над дипломом корпел, а ты уже премии гребешь.

Сяо Цзюнь не просто выглядел как типичный герой сериала — он и вел себя соответствующе. Врожденное высокомерие, непоколебимая уверенность в себе и желание во что бы то ни стало заарканить интересного собеседника так и читались на его лице. Он даже не пытался этого скрывать.

К несчастью для него, Бай Яньчэн к подобному типу питал глубочайшее равнодушие. С

неизменной мягкой улыбкой он тогда парировал:

— Господин Сяо, раз уж вы упомянули мой возраст, не потрудитесь подсчитать, в каком году я поступил в университет?

Сяо Цзюнь тогда осекся. Покровительственное «младший» прозвучало действительно глупо и невпопад — ведь вуз они окончили чуть ли не одновременно.

Видимо, именно эта шпилька и занозила самолюбие Сяо Цзюня так глубоко, что он помнил ее все эти годы. Едва вернувшись в страну, он первым же делом перевел научно-исследовательскому институту щедрое пожертвование в пять миллионов юаней — своего рода бескорыстный подарок в знак примирения.

Освежив в памяти дела минувших дней, Бай Яньчэн с едва уловимой усмешкой произнес:

— А вот вы, господин Сяо, сильно переменялись.

Его готовность поддержать беседу окрылила собеседника. В глазах Сяо Цзюня вспыхнул азарт, который он не сумел скрыть:

— Яньчэн... позволь мне называть тебя так. Я пригласил тебя сегодня, потому что хотел обсудить одно дело.

Бай Яньчэн, как всегда безупречно точный, поправил его:

— Позвольте уточнить: это я пригласил вас на ужин.

Улыбка на лице Сяо Цзюня на секунду застыла, но он тут же вернул себе самообладание:

— Какая разница? Главное, что мы здесь, вместе.

— О каком деле идет речь? — прямо спросил доктор Бай.

Сяо Цзюнь слегка передвинул бокал. Это едва заметное движение не укрылось от внимания Яньчэна. Молодой, умудренный не по годам бизнесмен заметно нервничал. Но почему? Очевидно, то, что он собирался предложить, могло прозвучать двусмысленно.

Сяо Цзюнь выпрямился, устремив на него исполненный надежды и нежности взгляд:

— Яньчэн, я знаю, что ты до сих пор живешь в Жилом комплексе Хэньюань. Да, это близко к институту, но там совершенно нет нормальной инфраструктуры. К тому же скоро начнется

снос зданий вдоль вспомогательной дороги Среднего кольца, начнется жуткий шум. Я переживаю, что это помешает твоей работе и отдыху. Как раз недавно завершился проект нашего концерна Канцзя на площади Цинхэ... Я оставил для тебя отличную виллу. Надеюсь, тебе понравится этот подарок.

Выслушав его, Бай Яньчэн неторопливо отложил приборы, взял салфетку и аккуратно промокнул губы. На его лице отразилась глубокая задумчивость.

— Вот как... — после долгой, растянувшейся почти на полминуты паузы протянул он ровным, мягким голосом.

От этого затянувшегося молчания у Сяо Цзюня засосало под ложечкой — ощущение было такое, словно над его шеей завис остро заточенный клинок, готовый сорваться в любую секунду. Видя, что собеседник не спешит с ответом, он не выдержал и поспешно добавил:

— Яньчэн, пойми меня правильно. Я вовсе не пытаюсь тебя купить. Мне просто хочется, чтобы ты жил в комфорте.

Лишь теперь до молодого президента дошло, какую глупость он совершил. Бай Яньчэн в свое время до копейки пожертвовал всю свою крупную государственную премию благотворительному фонду. Пытаться соблазнить роскошью человека, абсолютно равнодушного к материальным благам, было верхом недалёковидности.

На лице доктора Бая не отразилось ни тени раздражения, как, впрочем, и восторга от столь щедрого жеста. Он сохранял все то же мягкое, но непреодолимо дистанцированное выражение:

— Благодарю за заботу, господин Сяо, но меня полностью устраивает моя нынешняя жизнь.

Почувствовав укол стыда, Сяо Цзюнь предпринял отчаянную попытку спасти положение:

— Яньчэн, ты ведь прекрасно понимаешь, что я чувствую к тебе. Я... я никогда раньше ни за кем не ухаживал. Если я повел себя бестактно и это задело тебя, прошу прощения. Ты можешь сказать мне прямо. Я выполню любое твоё условие, сделаю все, что пожелаешь.

— Наша сегодняшняя встреча преследует две цели, — Бай Яньчэн хладнокровно поправил очки, и его тон приобрел безупречно вежливые, сухие интонации официального доклада. — Во-первых, по поручению руководства института я должен выразить вам признательность за щедрую спонсорскую поддержку. А во-вторых, я хочу прояснить: я не тот, кто вам нужен. Вы меня совсем не знаете, господин Сяо. Мужчинам свойственно излишнее эгоцентричное упрямство и слепая уверенность в своей правоте — это может быть как достоинством, так и слабостью. Пожалуй, вам стоит взять паузу и разобраться в собственных желаниях.

Столь безапелляционный, холодный отказ больно ударил по самолюбию молодого миллиардера, вызвав в душе глухую обиду. Привыкший к обожанию и угодничеству, Сяо Цзюнь всегда был тем, чьего расположения добивались. И лишь этот невозмутимый ученый отвергал его уже в третий раз.

Впервые это случилось на встрече выпускников, когда Яньчэн вежливо уклонился от более близкого знакомства. Во второй раз — когда Сяо Цзюнь только вернулся в город S, а тот сослался на чрезмерную занятость в лаборатории. И вот теперь, когда казалось, что лед наконец тронулся, его снова выставили за дверь — на этот раз предельно прямо и без обиняков.

Красивое лицо Сяо Цзюня потемнело от досады:

— Ты вправе отказывать мне, Яньчэн, но не смей ставить под сомнение мои чувства. Да, мы виделись не так часто, но это вовсе не мимолетная прихоть. Все те пять лет, что я провел вдали от города S... не скажу, что бредил тобой каждую ночь, но думал о тебе постоянно. Это переросло в привычку. И отступить так просто я не намерен.

Бай Яньчэн опустил ресницы. Его длинные пальцы задумчиво, в такт мыслям, поглаживали тонкую стеклянную ножку бокала.

— И что же тебе во мне нравится? — неожиданно тихо спросил он.

Сяо Цзюнь на мгновение растерялся, но деловая хватка быстро вернула ему дар речи:

— Разве для любви нужны причины? Но если тебе так угодно, мой ответ прост: ты зацепил меня с первой секунды. Ты совершенно не похож на остальных.

Подобное признание должно было растрогать любого, но на губах Бая заиграла странная, едва ли уместная здесь усмешка — легкая, с примесью горькой иронии. И все же этот скептический оскал ничуть не портил его лица, наоборот, придавая ему какое-то особое, притягательное очарование. Поистине, привлекательным людям прощается любая дерзость.

— Что ж, спасибо. Спасибо за столь лестную оценку.

Счет за этот роскошный ужин Бай Яньчэн полностью оплатил сам. Он подозвал официанта и спокойно приложил телефон к терминалу, расставшись с доброй третью своего месячного оклада. Сделано это было с таким невозмутимым изяществом, что Сяо Цзюнь даже не успел возразить. От предложения подвезти до дома доктор Бай тоже мягко отказался. Поймав попутную машину, он сел на заднее сиденье и уехал.

По дороге он сидел в полумраке салона, глядя сквозь приоткрытое стекло на проплывающие мимо огни мегаполиса и подставляя лицо прохладному ночному ветру. Не доезжая немного до

Четвертого кольца, он попросил водителя притормозить у обочины. До дома хотелось прогуляться пешком.

Расплатившись, Яньчэн вышел из машины и неторопливо побрел вдоль пустынного тротуара. Минут через десять дорога вывела его к задним воротам жилого комплекса Хэньюань.

К его немалому удивлению, у ворот обнаружился старый знакомый. Возле кучи строительного мусора в густой тени притаился темный силуэт. Одетый в какое-то рванье, взъерошенный и невероятно чумазый мужчина сидел на корточках, затягиваясь дешевой сигаретой. Рядом с ним на асфальте сиротливо поблескивала початая чекушка дешевой водки — классический портрет уличного бродяги.

Бай Яньчэн непроизвольно улыбнулся и шагнул ближе.

Бродяга тоже заметил его и приветливо махнул рукой:

— О, здорово, сосед! Вернулся уже?

— Ты чего это сменил дислокацию? Решил поближе к моим окнам милостыню пособирать? — беззлобно поддел его Яньчэн.

Мужчина действительно побирался и кормился сдачей бутылок, но до откровенного попрошайничества никогда не опускался. Доктор Бай просто поддразнивал его — подобные вольности он позволял себе крайне редко, и этот бродяга был редким исключением.

Раньше этот тип обитал неподалеку от лабораторий института, а тут внезапно перебрался к Жилому комплексу Хэньюань. Оказалось, не от хорошей жизни. Бродяга с досадой стряхнул пепел и сплюнул под ноги:

— Да там новые охранники на проходной объявились, суки зеленые. Обнаглели совсем, шуганули меня оттуда.

Яньчэн лишь усмехнулся в кулак, покосившись на сиротливую бутылку на земле.

Мужчина протянул ему зажатый между грязными пальцами бычок:

— На, затянись. Полегчает.

— Я не курю, ты же знаешь, — привычно отказался тот.

Впрочем, «не уметь» и «не хотеть» — вещи принципиально разные.

— Да ладно тебе ломаться, бери! — не унимался бродяга. — У меня сегодня днюха, прояви уважение.

— Надо же, у тебя и день рождения бывает? — Яньчэн удивленно вскинул брови и, сам от себя не ожидая такой уступчивости, взял тлеющую сигарету.

— А я, по-твоему, не человек, что ли? То, что я помойки инспектирую, еще не делает меня дебилом. Свою дату рождения я прекрасно помню, — из-под слоя копоти и уличной пыли блеснули живые глаза бродяги. Голос у него, вопреки неопрятному виду, оказался удивительно глубоким, с приятной хрипотцой и мягким бархатным тембром.

Повертев в руке окурок, Яньчэн пару секунд поколебался, а затем поднес его к губам и осторожно вдохнул горьковатый дым. Едкая доза никотина мгновенно обожгла горло; не удержавшись, он шумно, до слез закашлялся. Вернув злосчастный бычок хозяину, он в сердцах выругался:

— Бля... Ну и гадость.

К такой дряни лучше вообще не прикасаться — привыкнешь и не заметишь. А зависимости доктор Бай не терпел ни в каком виде.

Бродяга хрипло расхохотался:

— Ха-ха-ха! Ничего, в следующий раз распробуешь, за уши не оттащишь!

Яньчэн поднял глаза к небу. Над головой расстился глубокий черный бархат, усыпанный редкими для задымленного мегаполиса яркими звездами.

— И все-таки везет тебе. Умеешь радоваться простым вещам. Всегда знаешь, в какую ночь луна светит ярче всего.

— Бери выше: моя душа принадлежит космосу, — шутливым, но каким-то слишком уж серьезным тоном отозвался бродяга. Он сделал еще одну глубокую затяжку и приложился к бутылке.

Сделав шаг назад, Яньчэн обернулся и непроизвольно посмотрел в сторону своего дома. Окна его квартиры на верхнем этаже светились теплым, мягким желтым светом.

Ах да, точно. Он ведь теперь живет не один. Внезапное появление сожителя поначалу доставляло некоторые неудобства, но постепенно приносило в привычную рутину странный, почти забытый уют.

Выудив из кармана телефон, он быстро отыскал в списке контактов номер Су Синье и нажал кнопку вызова. Гудки шли недолго — трубку сняли буквально через пару секунд. Из динамика донесся чистый, слегка хрипловатый юношеский голос:

— Доктор Бай!

— Привет, младший. Ты поужинал? — без лишних вступлений поинтересовался Яньчэн.

— Да, давно уже, — послушно, с какой-то почти кошачьей лаской в голосе отозвался Синье.

С его эффектной, яркой внешностью эта кроткая манера общения вязалась из рук вон плохо. Яньчэн порой ловил себя на мысли, что у парня потрясающие голосовые данные — такому бы на сцене петь, а он зачем-то нарочно сюсюкает, ломая комедию. Перед глазами невольно всплыл образ дерзкого музыканта с синей косичкой. Интересно, в каком кабаке этот сорванец зажигает прямо сейчас?

Впрочем, вслух он ничего подобного, разумеется, не озвучил. Его собственный голос звучал безукоризненно мягко и заботливо:

— Вот и славно. А то я подумал: если ты голоден, могу сделать крюк до улицы Цзинъян и захватить тебе тот наваристый бульон с говядиной.

К слову, Улица Цзинъян находилась не так уж и близко — добрых полтора километра в сторону, даже на велосипеде крутить педали пришлось бы прилично.

Из трубки донеслось довольное, сытое мурлыканье:

— Спасибо огромное, доктор Бай, не стоит беспокоиться.

Когда вызов завершился, Яньчэн опустил руку и встретился взглядом с ухмыляющимся бродягой.

Тот издевательски фыркнул:

— Ну ты и лицемер, братец.

— Вовсе нет, — лениво отмахнулся Яньчэн. — Просто неохоташний раз ноги бить.

— А если бы он ответил, что голоден? — прищурился собеседник.

Яньчэн молча указал кивком на невзрачную лапшичную через дорогу, где хозяин уже опускал

железные жалюзи:

— Взял бы ему порцию лапши с соусом у дяди Ли.

<http://bllate.org/book/19920/1990381>